

Людмила Рублевская

АВАНТЮРЫ
ПРАНТИША ВЫРВИЧА,
ШКОЛЯРА И ШПИКА

*Роман
приключенческий и фантасмагорический*

Перевод с белорусского

Минск
Издатель А.Н. Янушкевич
2016

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел)-44
Р82

Перевод с белорусского
Павла Ляхновича

Рублевская, Л.И.

Р82 Авантюры Прантиша Вырвича, школяра и шпика : роман приключенческий и фантасмагорический / Людмила Рублевская ; пер. с бел. Павла Ляхновича. — Минск : А.Н. Янушкевич, 2016. — 260 с. — (Литературная серия «Шляхеці маёнтак»).

ISBN 978-985-90377-3-3.

В историко-приключенческом бестселлере известной белорусской писательницы Людмилы Рублевской описываются увлекательные события, главными героями которых стали беглый студюзуз Менского иезуитского коллежнума Прантиш Вырвич и доктор Балтрмей Лёдник из Полоцка. Приключения белорусских авантюристов не менее увлекательны, чем похождения французских мушкетеров или русских гардемарин.

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-985-90377-3-3

© Рублевская Л.И., 2011
© Оформление. ИП А.Н. Янушкевич, 2016

Медный шелег — это вам не серебряный грош... И тем более не червонный талер.

Но чтобы определить, куда двигать дальше от этой неуютной развилки, где только и есть что три осины, покосившийся деревянный крест да огромная, как саксонская кровать короля Августа, и бездонная, словно карманы его фаворитов, лужа, то и медяк сгодится.

Прантиш — вчерашний ученик Менского иезуитского колледжума, а сегодня — пройдоха, голодранец, бродяга, галыганец и как там еще чувствовала его торговка булками на Нижнем рынке, и что впереди — неизвестно, ведь в восемнадцать лет даже святой Франциск Ассизский имел в голове ветер, а в руках — чарку вина...

Правда, вином, сладким да соблазнительным, подобно яблоку в руке прабабки Евы, видимо, угоститься Прантишу придется еще не скоро... Имеем в виду — за собственный счет.

Но где-нибудь да и найдется дармовой кубок для не очень-то крепкого, однако ладного голубоглазого школяра с улыбочивым ртом и упрямым русым чубом...

Где?

Прантиш подкинул шелег вверх. Назад он вернулся будто бы неохотно, несколько раз перевернувшись в воздухе — ясное дело, компании, даже такой же медной, в суме хозяина ему не предвиделось. Лихой всадник с мечом на тусклом диске монеты скакал в сторону Воложина. А может, Варшавы... Или Дрездена...

А почему бы школяру, который основательно овладел кухонной латиницей, не дойти до Дрездена или даже до Рима? Повсюду найдется жирная торговка булками, которая иногда теряет бдительность ради весьма полезной для разгона апатии и сжигания лишней желчи перепалки с соседками по базару, и уж, ясное дело, совершенно не способна догнать шустрого, как ртуть, потомка обнищавшего шляхетского рода Вырвичей герба «Гиппоцентавр» — на котором уже несколько столетий кентавр с благообразным, кротким лицом замахивается мечом на собственный хвост, превратившийся в клыкастого дракона. Отец, пан Данила Вырвич, а он часто после корчмы уподоблялся побитому дракону, говорил — изображение на их гербе означает, что в каждом прячется и ангел, и скот покорный, и зверь хищный, и чтобы оставаться человеком, надобно всегда иметь при себе сверкающий меч шляхетской чести и отваги...

Осины жалостливо зашуршали узкими листьями, будто кобельные кликуши в спину заскулили: ой, пропадет, ломает шею, погубит душу свою непокоря чубатая...

А Прантиш перекрестился на скособоченный крест с остатками оброчного рушника, лет двадцать назад сотканного ткачихой, опасавшейся, что не поведут к венцу — или что не вернется из славного королевского войска ее милый... Поправил на голове шапку шляхетскую с настоящим, хоть и молью побитым, соболем и желтоватым диамантовым гузом — единственным, что, кроме потемневшего от времени прадедового золотого перстня-сигнета да сабли с выгравированным на эфесе гербом, сумел подарить сыну-студеизису старший пан Вырвич. Старательно начищенный Гиппоцентавр был во время срочной ретирады позорно покинут в конvente — общежитии коллегнума... Вспоминая об утраченном шляхетском оружии, Прантиш подавил горький вздох и пошагал — туда, куда дует ветер и летят первые осенние листья, и облака, и птицы Симураг, и мечты недоучек иезуитского коллегнума.

Глава первая

КАК ПРАНТИШ КУПИЛ АЛХИМИКА

Карета была роскошной — и грязной. Грязной, как мужицкий кожаный лапоть — поршень. Из-за налипшей грязи нельзя было рассмотреть даже герб на дверках. А кони сытые, резвые... Жижка была фонтаном из-под копыт... Эх, если бы здесь кусты на обочине, да сумерки, да кони немного замедлили... Тогда бы Прантиш прицепился к экипажу, и с помощью святого Франтасия доехал хоть до Каменной Горки. Но было светло, а кучер сердито посматривал по сторонам, как филин в поисках неосторожной мыши. Прантиш тоскливо глядел вслед карете, когда вдруг... Неужто святой Франтасий подействовал? — кучер, услышав окрик хозяина, натянул вожжи... Карета остановилась. Но мудрый школяр не спешил подбегать — мало ли чего заблагорассудится панам? Может, злобу на ком-либо сорвать захотелось... Известно, шляхтич к шляхтичу должен обращаться «пан-брат», как к равному, независимо — магнат ли ты или «посконный», у которого ни одного холопа не имеется. Но в действительности шитый золотом кунтуш облезлому соболю не ровня. С братьями Володковичами, что с Радзивиллами водятся, столкнешься не в добрый час, не приведи Господь — сто и одна плеть обеспечены... Не за понюшку табаку, для форсу. А из окошка кареты между тем высунулось усатое лицо путешественника. Лицо красное, усы пшеничные длиннющие, на шапке алмазный гуз со сливу, и от злости чуть не огнем дышит. Остановился краснолицый взглядом на Прантишевой шапке шляхетской, несуразно со школярской мантией

сочетаемой... Золотой сигнет не пропустил, который на Прантишевом пальце поблескивал тускло — недаром шляхтич скорее с голоду сдохнет, чем без знаков своего звания останется. Парень в очередной раз пожалел, что сабли нет. Эх, где ты, сабелька... Пусть черная, не парадная, в ножнах из кожи угря... Без коня тоже плохо, но всегда соврать можно, что проиграл верного дрыган-та в карты. А шляхтич без сабли — все одно что голый.

— Эй, ты, гицель! Школяр! Тебе говорю, не луже. Подойди. Фортуну свою лови!

Ага, фортуна... Такой красномордый разве что кулаком в рыло одарит.

Но Прантиш осторожно приблизился, готовый мгновенно отскочить.

— Что, у иезуитов учишься? — скользнул путник взглядом по Прантишевой одежке. — Шляхтич?

— Шляхтич! — гордо ответил Прантиш, положив руку с сигнетом на воображаемую саблю.

— А деньги имеешь, бездельник? Стоять! — рывкнул, заметив, что школяр при неделикатном вопросе о деньгах отпрыгнул на три лужи, а Прантиш в свою очередь заметил самое досадное, что можно увидеть на пустом осеннем большаке — а именно ствол направленного на него пистолета. Тут особо не побегаешь... Да и кучер вон какой грозный, и тоже с пистолетом за кушаком — этот не замедлит по хозяйскому приказу погнаться.

— Ты что, думаешь, пан Агалинский грабить тебя будет? Я продать одну ценную вещь желаю. Ну, хоть какая ломаная полушка имеется?

Прантиш неохотно полез в карман.

— Вот... Шелег..

— Мать Божая Ченстоховская! Целый шелег! — пистолет затрясся в руке краснолицего — так захохотал. — Слышь, звездочет? Я продам тебя за целый шелег! — добавил он, повернувшись к кому-то в карете.

Потом снова спросил у путника:

— Как тебя зовут? Имя скажи!

— Прантиш Вырвич, славного рода Вырвичей из Подневодья, герба «Гиппоцентавр»!

— Пусть будет Вырвич... Записывай... — последнее снова было сказано к неизвестному в карете.

Прантиш тоскливо поглядывал по сторонам, высматривая спасение. Вдруг дверка с заляпанным грязью гербом распахнулась, и князь Агалинский выволоч из кареты тощего немолодого типа в длинной черной одежде, похожей на мантию преподавателя коллегіума, с бритым по немецкому обычаю лицом. Мужчина посматривал колючими темными глазами из-под отросших черных лохм таким ненавистным взглядом, что Прантишу показалось — сейчас услышит привычный окрик: «Это самый ленивый студиозус от Тибра до Борисфена! Березовых розг ему...» Между тем пан Агалинский могучей рукой едва не оторвал за загривок типа от земли, хоть тот был выше его на полголовы, и толкнул в грязь, просто под ноги школяру.

— Давай шелег, сударь!

Прантиш протянул на ладони свою последнюю монетку... Агалинский взял ее двумя пальцами:

— Вот! Небо свидетель, слово шляхтича: с этой поры мерзавец Бутримус принадлежит тебе, делай с ним, что хочешь, — и полез назад в карету, насмешливо выкрикивая на прощание. — Вот где счастье, парень, привалило! Это ученый муж, алхимик. Он тебе золота наварит — засыплешься! Не забывай только бока ему подправлять дубиной, чернокнижнику проклятому!

Из кареты просто в лицо Прантишу вылетел бумажный свиток, тот еле успел его поймать.

Кучер тоже подарил на прощание ошалелому Прантишу очень неприятную ухмылку, дернул вожжи...

Только когда карета отдалилась на расстояние свиста, Прантиш немного очухался и перевел взгляд на свою новую собственность.

Человек молча поднялся на ноги и отряхнул длинную черную свитку. Его нос напоминал клюв хищной птицы, губы презрительно поджаты... Так что Прантишу показалось — это не он купил лохматого проходимца, а совсем наоборот. Может, пока не поздно, стоит удрать от этого типа подальше? А вдруг он действи-

тельно колдун... Прантиш развернул свиток: это была оформленная как положено бумага на владение слугою мужского пола Балтроем Лёдником, мастером тайных наук, доктором и толмачом, который по причине невозможности выплатить долг в двести дукатов дал присягу служить своему пану пожизненно, без платы и права уйти, и пан может распоряжаться им, как ему угодно. Имя Прантиша немного криво вписали на положенное место, чернила еще не просохли, и последняя буква фамилии имела размазанный хвостик, будто ее задержали, когда она собиралась убежать с подзрительного листа.

Между тем алхимик вперился в своего нового господина мрачным пронзительным взглядом. Молчание затянулось, как варшавский сейм. Его нарушил Бутримус.

— Ну?

Прантиш растерялся.

— Что собирается делать мой господин? Здесь ночевать, или как? Пан Прантиш, мать Божья... Только безмозглого мальчишки мне не хватало во владельцы.

Голос звездочета даже скрипел от презрения. Вывич обиделся. В конце концов это не его только что продали как лапотного мужика, а спесивого доктора. Нужно показать ему, кто на каком шестке будет ночевать!

— Куда прикажу, Бутримус, туда и пойдём... В ближайшую корчму, например.

— Было бы кстати, чтоб вы называли меня доктором, — мрачно промолвил слуга Прантиша. — Докторского звания меня никто не лишал, так же, как Платон не перестал быть философом, когда его тоже продали в рабство. — Помолчал, неохотно продолжил: — Корчма — это неплохо. Последний раз я ел... Давно, короче. Но за что там резвиться? Вы же, как я понимаю, последний шелег потратили на мою драгоценную персону?

Прантиш озадаченно хмыкнул. Действительно, денег нет. А пан обязан заботиться о своих слугах. Какое уважение к пану-голодранцу, который и себе куска хлеба не купит? Правда, сейчас Прантиш был богаче своего батяни на целого слугу! У пана

Данилы Вырвича ни одного холопа не осталось, если не считать старой Агаты, все спустил на шинок.

— А у вас... у тебя есть деньги?

Доктор ошпарил юношу взглядом.

— Если бы у меня были деньги, меня бы здесь не было. Ну что же, двинем в корчму.

И побрел в сторону Воложина, как черный аист с перебитым крылом, не обращая внимания на школяра. Прантиш растерялся. А что, если доктор набросится, бумагу о купле отберет, порвет, убежит? Тощий, но жилистый и злой, как борзая. Прантиш так бы и сделал на его месте. Ясно, что холопское положение этому типу внове.

Но школяр — это вам не жирный карась, которого запросто можно неводом хапнуть. Главное, не напугать этого... Бутримуса. Дойти с ним до людного места. А там — перепродать хоть кому. Он же ученый, лечить, видимо, умеет, звезды читать... И Прантиш бодро догнал своего слугу, который флегматично разбрызгивал ногами осеннюю жижу.

— Пан Агалинский говорил, ты золото делать умеешь. Это ты его обманывал, видимо? Наш профессор Кумоцкий говорил, что это байки да мошенничество, в действительности никому не удавалось создать ни крупинки искусственного золота!

Доктор одарил школяра еще одним острым презрительным взглядом, хоть вместо гвоздя в стену вбей, приостановился, пошарил в тайных карманах своего балахона и достал маленькую стеклянную бутылочку, не больше мизинца.

Прантиш жадно всмотрелся... В бутылочке темнело что-то похожее на черный уголь. Доктор потряс содержимое, и школяр заметил в черном золотые искорки. Если это золото, то за него и булки не дадут... Губы Бутримуса искривила горькая улыбка.

— Да, судьба зло шутит над теми, кто отдается гордыне ума и считает, что ему под силу взнудать стихии, созданные Богом... В этом мизерном сосуде, юноша, десять лет моей жалкой жизни, все мое родовое имущество и, наконец, мои достоинство и воля... Щепотка золота, смешанного с пеплом... Я действительно стою не больше шелега.

Сверху посыпались мелкие, как прозрачные маковые зерна, капли дождя. Бутримус спрятал бутылочку в карман и двинулся дальше, и летел за ним осенний ветер, как местечковый недоросль за юродивым, и дразнился прозрачным языком и дергал за полу... А Прантиш подумал про то, о чем всегда думает уверенная в себе сильная молодость, встретив чье-то взрослое разочарование: «Я никогда таким не стану. Со мною ничего подобного не случится».

Слова из алхимика приходилось вытягивать как мед из колоды — с осторожностью, решительно и с риском быть ужаленным.

Бутрим Лёдник был сыном полоцкого скорняка. Тот имел маленькую мастерскую по выделке шкур и большие надежды на расширение дела. Но единственный сын, который получил звучное имя Балтротомей, отца сильно разочаровал, так как от воних сырых шкур весь покрывался болячками и обмирал, как барышня после десяти мазурок. Единственное, на что был способен — смешивать разные соли и жидкости... Но скорняка из него не вышло бы никогда, хоть с самого всю кожу сдерни. Недотепу пришлось отдать в ученики к чудаковатому владельцу книжной лавки и переплетной мастерской купцу Ивану Реничу. Добрейший человек, только странный: идет улицей, в книгу нос уткнув, ночами в трубу на звезды смотрит, ящериц и других тварей в банках со спиртом держит, да еще глаз все время дергается, будто на него невидимая муха садится. Одно слово — некому рассудка прибавить, потому как с маленькой дочкой остался, так новую женщину в дом и не впустил. Жена от чудака самым бесчестным образом с заезжим уланом сбежала. Так Ренич, вместо того, чтобы в суд подать на блудницу, да чтобы за волосы домой притащили, за прелюбодеяние по закону отвечать заставили — только слезу утер да отмахнулся от предложений: пусть, мол, живет госпожа Ренич как хочет, как ей счастливей. А еще подозрительно, что с евреями дружит, с аптекарем Лейбой сколько вечеров за учеными разговорами провели! Говорит — все мы Божьи существа, всем Господь одну землю дал, в одном городе поселил, на один рынок ходим — и нечего нам делить, когда враги нашу землю поделить мечтают. Не иначе — каббалист и чернокнижник.

Вот здесь, среди тяжелых фолиантов и уютных томиков ин-кварти, псалтырей с золотыми буквицами и философских трактатов с загадочными рисунками, Бутрим себя и нашел, до книжной науки оказался очень сообразительным, и в создании чернил разных... Трактат Теофила «О разнообразных искусствах» выучил он наизусть лет в двенадцать, и умел составить краску «посх» первого и второго рода, и краску виридоновую, и аурипигмент... Изучил также «чем владеют греки в отношении разных красок и смесей, что знают в Тоскане о финифти и разных видах чернения и чем выделяются арабы в своих кованых, литейных либо чеканных изделиях, каким разнообразием сосудов, гемм, резной кости с золотом и серебром знаменита Италия, как любят во Франции разные украшения в окнах и насколько в чести утонченные работы из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня в Германии». А аптекарь Лейба научил его разбираться в зельях и микстурах, составлять тинктуры, рассказал о соотношении в организме жидкостей, иначе — гуморов, а именно крови, желтой желчи, черной желчи и слизи, а еще научил латыни и древнееврейскому...

Иван Ренич способности парнишки заметил, сердцем к нему привязался, теперь было ему с кем вместе на звезды смотреть и заспиртованных ящериц изучать. Бутрим усвоил все переплетные приемы и мог работать теперь на хозяина. Но жажду знаний Ренич считал главным достоинством человека, поэтому выделил деньги на обучение юного Бутрима, а кое-что прибавил и аптекарь Лейба. Пришлось скорняку смириться с тем, что сын пойдет по ученой части. Закончил Лёдник Полоцкий коллегиум, получая на каждом курсе золотую медаль, потом отправился в университет в Праге, закончил там факультет искусств, изучая семь свободных наук и царицу наук — философию, потом перебрался в Лейпциг, поступил на медицинский факультет... Новые и новые знания пьянили сильнее вина. Обрел докторскую цепь на грудь, но более, чем богоугодное лекарское дело, захватили его науки тайные. И прежде всего — алхимия. Найти философский камень! Какая высокая цель жизни! А что, даже другой полочанин, славный Франциск, сын Скорины, несколько лет жизни на обретение того камня угробил, перед тем как начал книги печатать. Год за го-

дом Бутрим приближался к разгадке... Путешествовал, знакомился со знаменитыми мыслителями и алхимиками, видел такое, что земному глазу видеть не должно. И на войне пришлось побывать, и чуму встретить, из плена убежать, и во дворцах красоваться. Даже к бешеному Мартину Радзивиллу попал, который чернокнижием занялся и к себе всех знатоков тайных наук созывал... И едва уцелел, ибо утомленный красотой многочисленных «кадеток» князь чего-то неземного захотел. И чего-то забрал в голову, а скорее натрепал ему от зависти кто-то из ученых коллег, что молодой Лёдник может вызвать для панского утешения Сильфиду, воздушного духа красоты необычайной, который одарит земного любовника способностью летать и язык птичий понимать... Вот только не желает Балтроей признаться в этом своем умении, чтобы единолично прелестями духов воздушных пользоваться. Так что когда не менее бешеный брат Мартина Героним Радзивилл, по прозвищу Жестокий, вместе со вторым братом, гетманом Михалом Радзивиллом, и племянником Каролем взяли штурмом Мартинов замок, а ученую шайку разогнали, Бутримус воспринял это как спасение, потому что хозяин всерьез намеревался пустить упрямого алхимика на ингредиенты для опытов.

Пока муж ученый по миру бродил, и молодость прошла, и родителей черная оспа забрала — толку-то, что сын на лекаря выучился. Но не было времени горевать. Алхимик засел в родительском опустелом доме и начал Великое Действо — добывать философский камень... На редкие составляющие ухайдакал и свои и родительские деньги. Дом и мастерская пошли в залог. Но этого не хватило. А тайный процесс был уже на той стадии, когда нельзя отойти от пылающего тигля, когда нельзя прерывать дело. Бутрим постепенно прекратил лечить даже самых богатых клиентов. И наконец заложил одному из них — пану Агалинскому — последнее, что имел: себя самого, пообещав, что вот-вот сумеет превращать железо и олово в самое чистое на свете золото, и тогда расплатится сполна. А иначе будет служить ему до гроба.

Агалинский ждал целый год. Наконец, золото сверкнуло в углях тигля... Но когда пан осознал, сколько будет стоить одна монета из такого искусственного золота, и сколько лет нужно

собирать на нее блестящий металл — разъярился и затребовал долг. И Лёдник перестал быть вольным человеком.

В ужасе Бутрим оглянулся на свою судьбу... И понял, что это — Божья кара. Он дал себе слово, что больше никогда не пойдет против Божьего промысла, не станет не только заниматься алхимией, но даже и составлять гороскопы, навсегда отречется от колдовства и гадания.

Пану Агалинскому эти перемены очень не понравились. Получалось, что не только золота, но и предсказаний согласно звездам от Бутрима не дожждаться. Агалинский пригрозил, что отдаст упрямого звездочета служить на конюшню. Но раскаявшийся алхимик только нудел о Божьей воле и грехе чародейства, читал каноны святому Киприану, который когда-то сжег собственные магические книги, и никакие уговоры, даже по ребрам и по спине, на него не действовали. А поскольку знатоком различных ядов Лёдник был выдающимся, также его подозревали в способностях к сглазу и черным заговорам, то Агалинский стал бояться кусок в горло класть. Тогда и пообещал пан на горячую голову, что продаст бесполезного должника первому же прохожему на этой дороге. Вот и получилось то, что получилось...

Прантиш быстренько прикинул: если бы в корчме его слуга начал составлять за деньги гороскопы, можно было бы неплохо заработать... Кто же не хочет заглянуть в будущее! Даже отец Прантиша, пьянь и буян, на каждый большой праздник заказывал себе предсказание у аптекаря из ближайшего местечка, который подрабатывал звездочетом. Но если этот упрямый Лёдник астрологию отринул, можно использовать другие его навыки...

— Послушай, Бутрим, а ты лекарскую науку не забыл?

Алхимик презрительно хмыкнул.

— А что, пан разболелся?

— Не дождешься! А вот в корчме, куда мы придем, большие обязательно найдутся. И заработаем денег! Только вот что... — Прантиш в задумчивости вздохнул русый чуб, выбивавшийся из-под шапки, как будто мало этой же работы наделал ветер. — Кто же поверит, что известный доктор — слуга школяра... Чтобы к тебе пошли пациенты, нужно напустить важности.

Ты, главное, молчи и рецепты помудрее да поудивительнее выпи-
сывай на латыни. А я сам все скажу.

Бутрим мрачно оценил проворные ухватки своего господина, заглянул в его голубые глаза, такие честные, что сразу хотелось ощупать свои карманы, и тоскливо вздохнул:

— Что-то мне подсказывает — сто раз я пожалею, что пан Агалинский не послал меня служить на конюшню.

Глава вторая

КАК БУТРИМ ЛЁДНИК И ПРАНТИШ ВЫРВИЧ В КОРЧМЕ ГУЛЯЛИ

Если бы Прантиша спросили, в чем глубокий философский смысл существования придорожной корчмы, школяр, не задумываясь, ответил бы: в том же, в чем смысл жемчужин, нанизанных на нитку. Зачем нитка, если на ней не будет жемчужин?

Эта корчма под звучной вывеской «Рим» была не самым шикарным заведением... Три ободранных тополя жались к стенам, будто пьяные гости. Зато у самой корчмы стояло несколько экипажей — от скромной таратайки до основательной кареты, хоть и без гербов. А это был добрый знак — есть с кого брать подати!

Воздух в корчме можно было резать ножом. Сразу чувствовалось, что любимые блюда завсегдатаев — капуста и шкварки, а любимые напитки — пиво и водочка. Стекланный бог имел здесь постоянную паству. «Три! Восьмерка! Венера! Собачьи очи!» — выкрикивали игроки в кости. Слепой певец, худой как тростина, с вытянутым бледным лицом, в сопровождении скрипки и басетли-контрабаса выводил тонким голосом «Дороту». Старый шляхтич с обвислыми усами, в сарматском наряде, мех на котором моль побила, словно Михал Глинский — татар под Клецом, с самой кислой миной потягивал пиво. Молодая симпатичная хозяйка корчмы с черными волосами, убранными под ослепительно-белый чепец, почтительно выслушивала его ворчание о всеобщем падении нравов.

Лекарь и его «ассистент» скромно уселись за угловой столик, едва не теряя сознание от соблазнительных запахов, и Вырвич начал разведку. Пятеро мужиков, похоже, с Городенщины, подозрительно оглядывались по сторонам, очевидно испуганные слухами о невероятных проходимцах, которые ждут честного христианина в каждом шинке. Этих дикарей развести на что-либо было мало надежды. От городенцев явственно несло козлиным салом, которым простолюдины, отправляясь в путь, смазывают одежду от паразитов. А вот трое шляхтичей, самозабвенно занятых игрой в кости, были очень обнадеживающей компанией, алмазные гузы на их шапках посверкивали, как искорки, и не попробовали обчистить их карманы — просто грех... Правда, не видно было никого даже отдаленно похожего на личность, что могла бы приехать в шикарной карете без гербов, которая стояла у корчмы. Шляхтич в побитых молью мехах был точно не из таких. Видимо, особо важные гости отдыхали на втором этаже, где находилось несколько комнаток. Может, удастся сбыть алхимика тем гостям? Прантиш, как парень совестливый, не прочь был подыскать лекарю приличных хозяев. А тот фацет за столиком под самой лестницей, похожий на «юриста из палестры», мелкого чиновника, который выполняет черновую работу в суде, непременно доносчик: вон как прикидывается, будто ему безразлично, что вокруг него говорят, а сам так и шарит блеклыми глазами, выискивая крамолу. Этого нужно остерегаться... Неизвестно, на кого работает. 1759 год от Рождества Христова, времена смутные, московские войска так и рыщут по стране, одни магнаты сотрудничают с россиянами, другие интригуют против, сеймы срываются один за другим... В Пруссии война, король-саксонек удрал из своего Дрездена в Варшаву. С собственным народом сладить не может, а до здешнего ему и совсем как до сухой груши... Он даже по-польски, сидя на польском троне, не научился изъясняться, не говоря уж о белорусском языке. А соседи, слабость власти почуяв, не прочь снова погулять по литвинским землям. Потому что земли эти искони на перекрестке, добывают их, как философский камень — упорно, столетиями, не жалея средств и жизней человеческих, и если бы из костей и крови вырастали бе-

лые деревья с красными листьями, как в бабкиной сказке, то пущи и леса земли этой напоминали бы красное море...

Прантиш оглянулся на Лёдника: тот сидел, выпрямив спину, будто готовился принимать экзамены, и даже по сторонам не смотрел, казался здесь в своей черной хламиде таким же обычным, как пушка на току. Черноволосая корчемница, которая сновала между столами с кувшинами пива, будто легкий челнок между камышами, подозрительно скользнула глазами по темной фигуре в углу... Прантиш понял, что надо начинать свое дело. Сорвал шапку с облезлым соболем и торжественно махнул ею, будто вызывал бога северного ветра.

— Уважаемые господа! Только сегодня, проездом в Париж из Лемберга — известный лекарь пан Балтроеус Лёдник, мастер исцелений, знаменитый алхимик и звездочет, который лечил королей и князей. Любую болезнь он узнает и назначит лекарства от нее! Меня вылечил за один день от самой жестокой лихорадки! Всего три шелега за консультацию!

Лёдник поджал губы, будто его обзывали висельником, но есть, видимо, хотел и он, поэтому достал из карманов своей замусоленной черной свитки бумажки и карандаш, положил их перед собою на стол, готовясь выписывать рецепты.

— Пан-брат, а от нарывов в горле пан лекарь поможет? — настороженно спросил старый шляхтич, отодвинув бокал пива.

— От всего! — уверенно подтвердил Прантиш. — Три шелега!

К заезжему эскулапу потянулись клиенты. За старым шляхтичем, который, очевидно, все еще вместо носков приказывал насыпать в свои сапоги перетертую солому, — игроки в кости, за ними — чернобородый извозчик, у которого ломило руки перед дождем, потом — две женщины-кухарки... Даже милостивая хозяйка корчмы долго сидела перед алхимиком, и тот терпеливо проверял ее пульс по очереди на обеих руках. Деньги брал Прантиш, и вскоре идея продать лекаря уже не казалась ему столь удачной. Если вот так водить его по шинкам да застенкам, как цыгане медведя, то можно неплохо жить! Лёдник обслуживал больных наилучшим образом. Важно выслушивал, ощупывал, сурово допрашивал и выписывал мудреные рецепты, кому *oleum mentha*, кому

unguentum commune, кому syropus koraiba. Под его взглядом люди мельчали, как школяры, но и в спасение верили легко, по тому же принципу, по которому считается, что чем более горькие лекарства, тем они сильнее. Лёдник одному перевозчику даже руку поврежденную ловко вставил на место, покрутив и дернув. Сразу было видно, что лекарю не внове никакие раны.

Прантиш заказал пива и свиных ребрышек с капустой столько, сколько могли съесть двое очень голодных мужчин. Конечно, рядом с лекарем не сел — где это видано, чтобы шляхтич ел за одним столом со слугою! Особенно согревала мысль, что кичливому доктору, наверно, доводилось садиться за один стол с такими родовитыми личностями, которые Прантиша, сына обнищавшего шляхтича-пьянчуги, и на крыльцо не пустили бы... Если бы не приходилось изображать из себя ассистента, Прантиш показал бы холопу его место! А пока просто пристроился подальше... Заметил, что слуга его, прежде чем пододвинуть к себе тарелку, перекрестился по-православному обычаю, шепотью.

Пиво было не самым поганым, не заяц сварил, но Прантиш приметил, что молодая корчемница, которую, как узнал проворный школяр, звали Адэля, несколько раз бегала наверх с кувшинчиком, куда наливала вино из особого бочонка. Вино, очевидно, куда как вкуснее, чем то пиво. Прантиш решил, что лучший способ отведать доброго напитка — подкатиться к хозяйке. Но та только поморщила вздернутый носик: мол, уважаю вашу милость, но не для пана деликатесы, титулованными панами выкупленные.

Между тем Адэля в очередной раз, цокая по ступеням красными каблучками, которые так соблазнительно показывались из-под складок юбки, побежала наверх, на этот раз не так быстро, потому что серебряный тазик в ее руках был полон теплой воды. Точно — наверху благородная дама... Прантиша так и подмывало посмотреть на таинственную незнакомку. А может, через Адэлю предложить ей услуги своего лекаря, вот и будет предлог для визита?

Вырвич оглянулся. Лёдник мрачно уставился в бокал, будто хотел увидеть сквозь него свое жалкое будущее... Но в бокале пенилось всего только не самое лучшее пиво. Музыканты завели

очередную песню, заплакала скрипка, загудела басетля, задрожали по углам вечерние тени, которых не могло разогнать трепетное пламя бледных свечечек, готовящихся стать грязными лужицами воска.

*Куды едзеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
На кірмаш, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом*.*

Алхимик провел длинными пальцами по худому лицу, будто не узнавая себя. Полез в карман и достал маленькую стеклянную бутылочку... Прантиш знал, что в ней.

*А што вязеш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Воз дзяўчат, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом.*

*Пачым цэніш, Рамане?
Ой, вір-вір, бом-бом.
Па чырвонцу, васпане!
Ой, вір-вір, бом-бом**.*

Скрипка рыдала, будто была живым существом, которое потеряло самое дорогое. За соседним столом даже притихли на мгновение голоса игроков в кости. Бутрим поднес бутылочку близко к глазам, встряхнул, вглядываясь в свое последнее золото... Даже издали Прантиш видел, как кривятся его губы.

* Куда едешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / На ярмарку, васпане! Ой, вир-вир, бом-бом. (бел.)

** А что везешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / Воз девчат, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом.

По чем оцениваешь, Романе? / Ой, вир-вир, бом-бом. / По червонцу, васпане! / Ой, вир-вир, бом-бом. (бел.)